В последующие дни Цзян Лю с головой нырнул в зарабатывание денег. Все, что он приносил на рынок, тут же продавалось. Вскоре другие люди из его коммуны начали это подмечать. И помимо сочувствия, стали появляться новые мнения.

— Ты слышал? — улегшись спать, Ван Сюэмэй долго ворочалась, не в силах уснуть, и все думала о слухах, что слышала на днях. Она ткнула локтем своего спящего мужа, чтобы с ним поболтать.

— Слышал что? — Цзян Хай проснулся от крепкого сна и явно не был этому рад. Но у его жены был особый статус, а его работа была организована ее отцом. Так что, как бы он ни был зол, не мог позволить себе это выразить.

Семья Ван Сюэмэй была довольно богатой. Ее отец был директором единственной начальной школы в коммуне. И он получил эту должность вовсе не потому, что был высокообразованным, а благодаря своему старшему брату, который был заместителем председателя коммуны.

В первые годы Культурной революции множество профессионалов попали в жернова репрессий. Любого, достаточно образованного, чтобы занимать должность директора школы, могли подвергнуть критике и сослать в колхоз где-нибудь в глубинке на перевоспитание. В то время отец Ван Сюэмэй, Ван Доюй, воспользовался ситуацией. И в нынешние времена, несмотря на улучшение общей обстановки, когда все больше интеллигенции смогло реабилитироваться, ситуация в их коммуне не изменилась.

П.р.: Культурная революция (1966–1976 гг.) — массовое движение, начатое вождем китайской компартии Мао Цзэдуном и направленное против интеллигенции. Она привела к уничтожению значительной части культурного и исторического наследия страны, экономическому и управленческому хаосу, а также к резкому спаду уровня благосостояния и общей культуры населения. Число жертв оценивается примерно в 40-70 миллионов человек.

Благодаря такому семейному положению Ван Сюэмэй могла бы, выйдя замуж, переехать в город или даже в столицу и всю жизнь питаться готовой едой, не зная бед. Но она была покорена честным красавцем Цзян Хаем. И твердо решила выйти за него замуж, несмотря на сопротивление своей семьи.

В то время старшую среднюю школу закрыли. Поэтому наибольшее, на что Цзян Хай, доучившийся только до второго года старшей школы, мог рассчитывать — это аттестат о неполном среднем образовании. Семья у него тоже была самой обычной, и лишь его статус третьего поколения простых крестьян можно было рассматривать как политический капитал.

Но в то время бедняков-крестьян было так много, что это не было чем-то особенным.

Однако Ван Сюэмэй не собиралась отступать. Эта пара даже пошла на беременность до брака, что было огромным скандалом в то время. Семья Ван не могла ничего поделать, кроме как признать их отношения. И они же помогли Цзян Хаю стать учителем в начальной школе коммуны.

С тех пор Цзян Хай вынужден полагаться на семью Ван Сюэмэй, чтобы сохранить свою работу на должности учителя, из-за чего дома он все больше подчиняется собственной жене. В таких условиях как бы он посмел возражать ей?

— Это все твой старший брат. Он изо дня в день таскает домой солому и все время придумывает какие-то новые вещи для обмена на ярмарке. Мне сказали, что дела у него идут отлично: все, что он привозит на рынок, раскупают очень быстро, — с завистью сказала Ван Сюэмэй.

Когда она впервые увидела, как Цзян Лю заполняет двор соломой, Ван Сюэмэй приняла это за шутку. В конце концов, сколько можно заработать на сорняках? Она была готова и свою солому отдать, лишь бы место в доме не занимала.

По ее мнению, Цзян Лю был дураком, раз занимался такой ерундой.

— Люди говорят, твой брат может заработать за день аж столько, — Ван Сюэмэй показала растопыренную пятерню.

На самом деле до нее доходили слухи, что Цзян Лю зарабатывал за одну поездку семь-восемь юаней, но Ван Сюэмэй считала, что это просто преувеличение, поэтому немного уменьшила сумму. Конечно, ей было невдомек, что реальная выручка Цзян Лю за торговый день намного превышала то, что предполагали люди. Просто никто не верил, что изделия из соломы могут стоить так много. Люди были уверены, что за несколько корзин не выручишь больше шести-семи юаней.

— Ты только подумай. Брат ездит на рынок дважды в месяц. Значит, за месяц он получает десять юаней. А за год — целых сто двадцать! Он же зарабатывает целое состояние!

Как учитель начальной школы Цзян Хай получал зарплату в восемнадцать юаней в месяц, так что его годовой доход был значительно выше того, который Ван Сюэмэй приписывала брату. Но Цзян Хай был очень проницательным человеком. Он говорил родителям, что получает от коммуны лишь десять юаней и отдавал в общий котел только пять из них. К тому же часть этих денег он под разными предлогами выпрашивал у своей старушки обратно, так что деньги, которые копились в их маленькой семье, за годы уже составили значительную сумму.

Поэтому, по его мнению, заработок Цзян Лю пока и близко не мог сравниться с их доходом.

Но Ван Сюэмэй так не думала. Она привыкла быть гордой и высокомерной, привыкла презирать вечно покорную невестку, и теперь не могла спокойно вынести, что жизнь этой женщины стала налаживаться.

Особенно, когда она думала о том, что еще недавно все деньги, заработанные семьей старшего брата, отдавались в общий фонд семьи. А в чем разница между передачей денег семье и прямой передачей в их руки? Так что, наблюдая за тем, как первая семья становится на ноги,

Ван Сюэмэй чувствовала такую боль, словно кто-то кромсал ножом ее собственную плоть.

— Разве мелкая торговля — это серьезное дело? Потому-то теперь и нет никому дела до ярмарки. Ты вспомни, как часто в прошлые годы арестовывали людей на базаре.

Цзян Хай и его жена мыслили по-разному. Когда он услышал, что брат занялся таким делом, как мелкое торгашество, то в душе не мог с этим согласиться.

— Поговори завтра хорошенько со старшей невесткой, пусть посоветует брату быть осторожнее, а то, если политика снова изменится, он может пострадать. Хоть теперь мы разделены, но все же, мы одна семья. Если с ним что-то случится, мы все окажемся в беде, — Цзян Хай беспокоился не о своем угрюмом старшем брате, а о том, что встав на капиталистический путь, тот может повлиять на его собственное политическое положение и разрушить его будущее.

— Это не то, о чем стоит волноваться. Так много людей в нашей коммуне ездят на рынок и я ни разу не слышала, чтобы их патрули останавливали. Ты все еще не понимаешь, что я хочу сказать. Подумай: когда разделялась семья, почему старший брат не сказал, что умеет так мастерски плести из соломы? Каждый день он вкалывал на поле, зарабатывая рабочие очки — он что, специально не хотел, чтобы все мы хорошо зажили? К тому же при его способностях, так ли велика сумма в шестьдесят юаней, которые он задолжал больнице? Да он сможет выплатить ее за каких-то полгода! Но брат скрыл это. Когда старшие руководили разделением, он выставил нас жадными и жестокими, но сохранил свое достоинство, как старшего брата. Разве он не тот, кто притворившись свиньей, съел тигра? Уверена, он сделал все это намерено.

Чем больше Ван Сюэмэй думала об этом, тем меньше была готова воспринимать Цзян Лю как раньше: простым и честным дураком. Теперь он казался ей, скорее, коварным и хитрым злодеем.

— Что ты себе надумала? Если бы брат был настолько расчетлив, думаешь, сейчас мать благоволила бы ко мне настолько?

Статус старшего сына в сельской местности всегда был козырной картой. Если бы Цзян Лю был хоть сколько-нибудь проницательным и красноречивым, то мать никогда не стала бы столь предвзято к нему относиться. Именно потому, что он слишком глупый и слишком честный, Цзян Хай мог жить в свое удовольствие.

Поэтому он никогда не сомневался в том, что его старший брат — тот еще дурак.

— Ты просто добрый и слишком хорошо думаешь о своем старшем брате. В любом случае не думаю, что эта пара настолько честна, насколько показывает.

Ван Сюэмэй забормотала себе под нос:

— Так не пойдет. Я не могу смириться с этим. После разделения вся тяжесть заботы о стариках легла на наши плечи. Раз уж Цзян Лю теперь хорошо зарабатывает, пусть возьмет на себя хотя бы половину заботы о них. Нужно поговорить об этом с родителями.

Как бы там ни было Ван Сюэмэй казалось, что она понесла потерю. Как она может не думать об этом?

Выслушав жену, Цзян Хай замолчал.

Ему тоже казалось, что он оказался в невыгодном положении. В других семьях обычно старший сын брал на себя заботу о семье. Как же оказалось, что это делает он, второй сын? Если бы жена смогла убедить его родителей заняться этим вопросом, то в соответствии с сыновней почтительностью брата, он вряд ли сможет отказать.

У Цзян Хая два сына. Это большое бремя для семьи, так что брат должен его понять.

***

Ночной разговор пары закончился, а обсуждение Цзян Лю в коммуне только разгоралось.

Так устроены люди: когда у вас беда, они не откажут вам в помощи из сострадания, но как только ваша жизнь станет хоть чуточку лучше, чем у окружающих, те, кто еще вчера помогал вам, не смогут удержаться от зависти.

Дело не в том, что им не хватает добродетели. Просто люди многогранны, поэтому не всегда можно понять хорошие они или плохие.

Прожив в том же кругу, Цзян Лю знал, что слухи о его заработке вскоре доставят немало хлопот. Но он уже придумал, как справиться с этим.

Цзян Лю прекрасно понимал, что ярмарка — это ограниченный рынок. К тому же, количество изделий, которые может сплести один человек, тоже ограничено. Как же законно и рационально увеличить масштабы производства? В первую очередь нужно расширить рынок сбыта.

— Товарищ, можно узнать, кто тут главный?

Цзян Лю попросил бригадира Гуаня выписать ему пропуск и со своими лучшими изделиями приехал в город.

Он поинтересовался, где самый большой универмаг в городе и сразу направился в отдел товаров для дома. Затем, отбросив всякий стыд, Цзян Лю принял самый простодушный, слегка

придурковатый вид и обратился к продавцу с этим вопросом.

— Зачем вы ищите нашего управляющего? — дружелюбный молодой продавец не стал смотреть на Цзян Лю свысока, даже несмотря на усеянную заплатками одежду.

— Я член производственного отряда «Красная звезда» провинции Тайфэн. У нас там не очень хорошая земля и наша бригада каждый год отстает от всей коммуны, когда дело доходит до сдачи зерна. Нашей бригаде очень стыдно за всю ту поддержку и помощь, которые государство и партия вынуждены оказывать нашим крестьянам, поэтому мы решили превратить эту тростниковую солому в сокровище, чтобы приносить доход для коммуны и для страны.

Цзян Лю запинался, словно был смущен чистотой и красотой торгового центра, в котором находился. Он выглядел так, будто не знал, куда деть руки и ноги. Но когда речь зашла о пользе для страны, его глаза вдруг загорелись. Засиявшее безмерной надеждой лицо едва не ослепило продавца.

— Посмотрите: это придумали члены нашей бригады. Все это красивые и прочные вещи, которые можно использовать для хранения небольших предметов, например, крема или пудры. А в тех, что побольше, можно хранить одежду. Наш бригадир отправил меня узнать, будет ли такое интересно для универмага. Если да, то мы готовы подписать с вами контракт на поставку на долгий срок.

Цзян Лю говорил так искренне, что молодой продавец растерялся.

— Подождите немного, я должен посоветоваться с управляющим.

Продавец был обычным наемным работником, который не мог принимать подобных решений, поэтому, подумав, он решился побеспокоить управляющего и помочь Цзян Лю встретиться с ним.

— Спасибо, товарищ! Ты такой отзывчивый, настоящий товарищ! — Цзян Лю продолжал кланяться и благодарить продавца, пока тот не убежал, окончательно смутившись.

— Эй, товарищ крестьянин, можешь показать мне то, что у тебя в руках?

Когда продавец ушел, некоторые покупатели, зашедшие в отдел с намерением что-то купить, заинтересовались вещами, принесенными Цзян Лю. Люди принялись рассматривать их и спрашивать о цене.

Эту сцену и увидел управляющий, когда пришел.

---

https://vk.com/webnovell — промокоды на главы, акции, конкурсы и прочие плюшки от команды по переводам K.O.D.

http://tl.rulate.ru/book/45346/1333775